

МОЙ ПУТЬ В НАУКУ

Соков Лев Андреевич, д.м.н., Челябинск

«В этом замкнутом круге — крути
не крути — не удастся конца и края найти.

Наша роль в этом мире —

Прийти и уйти. Кто нам скажет о цели, о смысле пути?»

Омар Хайям

«To strive, to seek, to find, and not to yield»

Ulysses by Lord Alfred Tennyson

Процесс познания формируется и начинает функционировать /и эволюционировать/ у плода в утробе матери, включается сразу, в момент рождения. Те или иные грани таланта проявляются в раннем детстве, у всех, часто затем, если они не востребованы — «гаснут».

То есть способность к генерации идей, гипотез, конструированию теорий, видеть неочевидное, все то, что необходимо ученому, даются человеку при рождении. В той или иной степени. Особенности формирования механизмов познания зависят от принадлежности к расе, этносу, определяются менталитетом, мировоззрением, коммуникационными и информационными особенностями, стандартом образования, языком общества, государства. А также местом /пустыня, крайний север, джунгли и т.п./ проживания: село, город. В каждом отдельном конкретном случае механизмы познания программируются, формируются и шлифуются в процессе образования и воспитания личностью воспитателя-учителя: отец, мать, учитель, родственники, друзья, соседи и недруги.... Зависят от социального статуса семьи, материального положения, здоровья. ... И еще, семейные династии присутствуют во всех профессиях, в научной тоже. Отсюда трудности российской науки.

Часть I. Детство, юность, семья.

Детство. Война. Помню очень многое. Я помню, как до ВОВ приходил товарищ отца и как они играли в шахматы. Звали его Александр Васильевич Суворов. Обычно я сидел у отца на коленях. Иногда они убирали с шахматной доски фигуры, посередине доски по очереди ставили короля, ферзя, коня, слона, ладью производили ходы во все стороны. А затем просили меня повторить ходы фигур по очереди. Я полюбил шахматы и они мне за это «отплатили добром», на протяжении большей части жизни были частью моего мышления, моей внутренней логики.

Рано утром в воскресенье 22 июня 1941 года за отцом пришли военные в форме НКВД и только через несколько часов мы узнали — началась ВОВ. В трудовой книжке отца есть запись: уволен 23/VI, приказ №38, от 22/VI, 1941. Осенью мне исполнилось 3 года. Мы жили по адресу г. Челябинск, Тракторозаводской район, ул. Горького д. 4.

Мама работала завучем учебной частью младших классов школы № 18, кроме этого преподавала математику и астрономию. Это была женская школа. Во время войны она работала в 3 смены. Я часто болел, оставался дома один с утра до вечера. Иногда со мной оставалась девочка, соседка. Мне оставляли еду, воду и если я не успевал убрать или съесть еду — еду могли утащить крысы. Они «приходили» из соседней квартиры, меня не боялись, я их тоже. Первые несколько месяцев войны мама сначала заклеивала стекла окон полосками газеты, а затем начала закрывать окна одеялами. По вечерам часто, иногда до утра выключали свет. В абсолютной темноте, долгими вечерами мы с мамой смотрели на звезды. Мама очень интересно часами рассказывала о звездах, созвездиях, галактиках, вселенной, о бесконечности. В коммунальной квартире на три семьи была одна электрическая розетка, которую занимала соседка. Она часами «варила воду», ждала с работы своих домочадцев. И поэтому тоже мы часто оставались голодными. В раннем возрасте я научился азам математики. Мама приносила стопки тетрадей, тщательно проверяла одну, ошибки исправляла красными чернилами перьевой ручкой. Это был образец, идеал. Моей задачей было найти несовпадения с образцом. Ошибки в тетрадях исправлял теми же красными чернилами. Очень боялся накапать, напачкать в тетрадках учеников. Начинал с нескольких тетрадей, но скоро за вечер, таким образом, проверял тетради одного двух классов. Мама проверяла свою стопку тетрадей, затем быстро

просматривала результаты моей работы и ставила отметки. В течение всего периода ВОВ много болел — не было одежды по сезону: несколько раз пневмония, брюшной тиф, туберкулез легких, многочисленные простуды, травмы и т.п. Периодически посещал детский сад, летом нас вывозили за город, лечился стационарно, в туберкулезном садике, находился дома, один или со знакомыми, жил у родственников — староверов, родителей мамы. Очень четко, до сих пор помню план дома староверов — пятистенка. В комнате изумительная белоснежная чистота. Кухня условно разделена на две части, в одной был деревянный настил (пол), в другой утрамбованная земля и две (?) белые козы. Иногда мама брала меня с собой в школу, в классе я часами сидел на последней парте. Часто оставляла под присмотром учителей в учительской. ... А как я уставал, помню до сих пор.

В 1943-44 годах летом в конце ВОВ жил в воинской части — НКВД, в которой служил отец. В проходной ММК стоял пулемет «максим». Он был выше меня, я играл с ним и использовал его как «лошадь». Уже взрослому отец рассказал мне, как однажды зимой глубокой ночью при обходе территории ММК по внутреннему периметру с цепи сорвалась собака. Через каждые несколько десятков метров на цепи располагались кавказские овчарки, притравленные на человека. Собака мгновенно сбила отца, лежа на спине, он отбивался ногами, обутыми в валенки. Несколько раз доставал пистолет, взводил, разряжал, снова взводил, разряжал. Застрелить — это ЧП, как минимум штрафная рота. И вдруг заметил, собака начала устывать. Все кончилось благополучно. После войны отцу военнослужащий, ответственный за собак подарил щенка. Отказался, мама не согласилась, не куда, да и не прокормить в то время. Работая участковым терапевтом, попал в такую же историю. Обслужил вызов, ЧТЗ, ул. Завалишина, направился к калитке. За 3-4 метра до нее услышал звон металла о бетонную дорожку. Обернулся — ко мне приближалась собака и гремела цепью. Открыть калитку можно только двумя руками — в ней два «английских» замка. В руке портфель с амбулаторными картами, тонометром, стетоскопом. Долго отбивался от собаки портфелем. Устал. Рядом бревно. В нем топор большой острый блестящий. Рука так и тянулась к топору. Заметил, собака охрипла и тоже устала. Начал уже сам энергично травить собаку. Собака убежала. Вспомнил отца. Портфель разорван внутри отдельные как будто распиленные металлические части от стетоскопа. А как бы вы поступили?

Дважды (?) у нас с мамой гостил младший брат отца — Федор, после ранений. В последний раз попрощался, сказал, что его скоро убьют. Он младший командир, и должен поднимать солдат в атаку. Все младшие командиры (взвода, роты) в воинской части, где он служил, уже убиты и сменились в некоторых случаях несколько раз. А у него 9 ранений и он еще жив. Вскоре получили извещение — пропал без вести. От него у меня оставались коньки, снегурки — подарок. Никелированные, очень красивые, их было видно издалека. Мы с ребятами на коньках цеплялись за редкие легковые машины, обычно на перекрестке ул. Спартак /сейчас пр. Ленина/ → ул. Горького. Ниже райком партии. Мы знали водителей и пассажиров в лицо, и они нас знали. Коньки у меня снял грузный мужчина в дорогом важном кожане: толи водитель, толи пассажир. И явно не случайно. До сих пор помню и не могу забыть этого человека. Обид много, реальных, жестких в уличных драках, в садике, дрались до крови, без предела. Часто эти избиения и драки организовывали сами сотрудники детских учреждений.

Летом 1945 года меня с товарищем пытались утопить в реке Миасс. Это были ребята старше и сильнее нас. Руководили процессом убийства их полупьяные родственники, может быть просто знакомые, только что вернувшиеся с войны. Вокруг было множество фронтовиков с семьями. Это было на острове, рядом с Челябинской филармонией. Я уже наглотался воды, сознание померкло, но в это время парень, стоявший на мне, я лежал на дне реки, поскользнулся и упал рядом со мной в воду. В праздники, воскресенья возле остановок общественного транспорта, у магазинов было много драк. Поэтому у нас у мальчишек всегда были особые планы на эти дни. А сколько было инвалидов вокруг. В течение последующих 3-5 лет количество драк уменьшилось, а инвалиды исчезли вовсе.

Великая Отечественная война закончилась, когда мне было 6 лет. 9 мая 1945 года мы дворовые мальчишки до ночи бегали за молодыми солдатами 18-20 лет. У каждого из них были за спиной огромные рюкзаки, заполненные патронами для ракетниц. Солдаты стреляли,

стреляли, стреляли, затем вновь наполняли рюкзаки и вновь стреляли. А мы «охотились» за гильзами, у меня их была полная «пазуха».

Помню в мельчайших деталях первый и последний день Великой Отечественной войны. И еще голод, голод, голод и того молоденького повара в столовой воинской части НКВД, который принес мне кусочек тушеного мяса. Как-то уже взрослым вспомнил мамины олады из картофельных очисток, задумался, откуда она их брала, у нас ведь и картошки-то не было. И, до сих пор удивляюсь — я остался жить вопреки элементарной логике: выжить в таких условиях невозможно. Дальше мне пригодится эта странная выносливость и животная живучесть, физическая ярость — меня боялись более взрослые и сильные мальчишки с нашего двора, терпенье изгоя, многочасовая возня с цифрами, шахматные азы, и, конечно, продолжительные беседы о космосе. Но все еще впереди.

Семья. Отец родился 1912 года 15 октября, записан на 29 октября по новому стилю в деревне /поселке/ Алексеевка, Затобольской волости Кустанайского округа и «закончил полный курс Алексеевской школы /четырёхлетка, 1922 — 1925-26/ 1-ой ступени по программе Государственного Ученого Совета». Я родился 24 октября 1938 года, имя выбрали по православным святкам — Лева, а день рождения официально записали 29 октября. У меня на руках есть подтверждающие документы. Что делал отец с 1926 по 1933 год и где жила семья отца, я не знаю. В Боровом (Боровском), или в п. Алексеевка? Прадед в Боровом, купец Василий Бугаев — владел магазином, недвижимостью. У него приказчиком работал мой прадед Егор Александрович Соков. Там и познакомились мои будущие дедушка и бабушка. Брак считался неравным. После публикации в 2012 году статьи «Соковы в Усть-Уйке» мной заинтересовался иеродьякон Андрей, попросил поделиться о событиях, произошедших в Боровом во время революции. Я, в свою очередь, попросил его об информации о Василии Бугаеве. Вот что он прислал мне по e-mail: «Указом №16818 от 9 ноября 1904 года постройка кирпичной церкви в боровском была разрешена. ... Все заботы, связанные с воздвижением храма, взяли на себя боровчане-попечители: Василий Бугаев.... Строительство велось под эгидой Петербургской Епархии и непосредственным контролем Тургайского и Оренбургского епархиального начальства...». Год — два назад позвонил по домашнему телефону (!) муж внучки купца первой гильдии Мартына Кузьмича Краснопеева. Его семья планировала поездку в Усть-Уйку и хотела узнать, обстановку в станице. Поразила фраза о Соковых, промелькнувшая в разговоре: «обедневшие дворяне переходили на сторону Советской власти». Сразу не сообразил, не расспросил. Кто мы, Соковы?

Бугаевых раскулачили. Добро вывозили подводами. Ни кола, ни двора. Нищие. Есть свидетели — родственники, рассказывали в подробностях. Был в гостях у них в станице Усть-Уйке в 2012 году. Что случилось в дальнейшем с этой ветвью моей родни неизвестно. Мать отца Наталия Васильевна Бугаева (Сокова) ничего мне не рассказывала. В 2012-13 годах в интернете в поисковике на Яндексе были публикации о том как в Свердловской области с помощью «пайки», килокалории которых не покрывали энергетических затрат человека в покое, уничтожали семьи раскулаченных и сосланных в тайгу людей. С Оренбургской и Челябинской областей. Элиту, в основном русских, которая формировалась за счет эпигенетических механизмов многие сотни лет. Этим занимались, в том числе и этнические, богом избранные господа, взявшие власть в стране в то время. Имена, этническая, принадлежность, механизмы и инструменты власти подробно описана в учебнике. Барсенков А.С., Вдовин А.И. История России. /1917-2004; 1917–2009/. (М., 2004; 2009; 2010). Рецензия-донос на историков МГУ <http://www.voskres.ru/literature/critics/shadrin.htm> Светова Зоя. Специфическая история. Учебник как пособие по ксенофобии / «The New Times» (2010. 21 июня. № 21). Затем Н. Сванидзе с помощниками раздул скандал о ксенофобии. Это не ксенофобия — это правда. Учебник запретили. Этническая диверсия против русских прошла на ура! Почему обо всех других нациях можно писать правду, а об этой нельзя?

Отец появился в Челябинске в 1933 году (?). В трудовой книжке отца есть запись: 15.08.1933, зачислен учителем ... фабрично-заводской семилетней школы №48. Справка ГОРОНО от 22 марта 55 г. №335. Школа располагалась, в то время, в новом только что построенном здании по улице /сейчас/ 40-лет Октября. Без одежды, обуви, головного убора. Зимой с него стали брать пример школьники. Дирекция школы неоднократно делала ему

замечания. Об этом много раз мне рассказывал отец. Я и не догадывался, как отцу было тяжело, и не понимал, почему у него не было одежды. Отобразить все, в том числе одежду, на Урале, в Западной Сибири, где в то время морозы зимой были -40 и за -40°C. Причем держались неделями. И далее, по записям в его трудовой книжке — 1934→1936 служба в РККА, НКВД. Для этого закончил курсы младших командиров. Такое перевоплощение, связано, очевидно, с московской родней. В Усть-Уйке остатки семьи после раскулачивания перебрались к Михаилу Сокову, у которого в Москве был родственник Сергей Соков. Скорее всего, попасть на курсы младших командиров в НКВД помог именно Сергей Соков. С. Соков служил у маршала М. Буденного адъютантом. Был в звании по современным меркам генерал-майора. Отец был у них в гостях многократно. С. Соков похоронен на Новодевичьем кладбище вместе с женой. Уже работая в ФИБ №4, будучи в Москве, я был на их могилах. Метров 100-200 по центральной аллее от входа на кладбище.

Затем учеба в учительском институте 1937-1939. Диплом №145649, город Челябинск, 1940 год, Регистрационный № 143.

Осенью 1945 года с ВОВ вернулся отец и снова начал работать в школе №48 учителем математики, а с 14.12.1946 заведующим учебной частью этой школы /Приказ по ГОРОНО №913/. Поступил в Челябинский педагогический институт /сейчас университет/ в 1946-1947 годах, учиться бросил. Скорее всего, просто выбрал не карьеру, а семью. В 1957-1966 годы и по 1972 год работал директором школ-интернатов №4 и 5, затем только №5 (переименован в 11). Где-то в шестидесятых был представлен к ордену Ленина. Причем предупредили и поздравили заранее. А получил орден Знак Почета. В награждение вмешался Е.М. Тяжельников, наградные списки переписали. Отцу — орден Знак Почета, а знакомому Е.М. Тяжельникова — орден Ленина [Член ЦК КПСС (1971—1990), депутат Верховного Совета СССР (1968—1984) https://ru.wikipedia.org/wiki/Тяжельников,_Евгений_Михайлович]. Отец очень переживал, никогда не одевал, подарил орден младшему внуку — Антону.

Освобожден от работы в связи с уходом на пенсию в 1972 году, затем восстановлен, затем в 1973 году освобожден и до 1977 года работал учителем математики, временно /Пр. ГОРОНО №54 от 28.06.1973/. Спец школа-интернат №5 переименована в школу-интернат №11 /Расп. По Челяб. Гориспол. №750 от 21.05.1973/.

Мне кажется, свое увольнение связывал с моим увольнением в 1972 году из ФИБ №4, смотри дальше. Очень переживал столь странное окончание своей карьеры, очередной бесславный этап своей семьи. В выборе поведения и принятия решений начал метаться. Боялся за жизнь семьи сестры, родни, внуков. Он понимал, семью начали травить. Дистанцировался от меня, моей семьи, которая вскоре развалилась. Долго выбирал, кого рекомендовать себе в преемники в интернате. Начал быстро слепнуть и, я в этом уверен и знаю, не без помощи со стороны ослеп. Последние 10 лет доживал полностью слепым.

Мама, папа — учителя, в свою профессию были влюблены. Часто дома обсуждались и сравнивались теории воспитания и образования А.С. Макаренко, К.Д. Ушинского, позже, В.А. Сухомлинского. Для этого разбирались конкретные текущие ситуации с трудными подростками. Мама интересовалась и одна из первых в СССР опубликовала в Учительской газете статью о дошкольном образовании. По-моему статей было несколько. Это была активная, творческая семья. Прожили вместе более 60 лет.

Из трех мужчин Соковых, призванных на войну, живым остался только отец. Погибли младший брат отца — Федор и отец отца Василий Соков, мой дед. После войны отец решил собрать вместе остатки семьи. Со стороны отца из остатков уже раскулаченной семьи в селе Боровом /Боровском/ 7 человек, и перебравшейся в Усть-Уйку, осталось 4. Так в комнате ≈ 12-15 м² собрались 9 человек: со стороны мамы ее родители — мои бабушка и дедушка /местные, уральские старообрядцы/, мама отца и его две несовершеннолетние сестры, подростки, я, мама, папа и в 1946 году /22 июня!/ у меня появилась сестра. Жили на две зарплаты учителей и пенсию деда. Очень бедно, но дружно. В 1950-51(?) годах «захватили» квартиру в этом же доме, 2-х комнатную. В течение первого года жизни в этой квартире нас пытались выселить. Отец, мама и сестра в одной комнате, нас шестеро 2 бабушки, дед, сестры отца и я. У меня появился личный письменный стол, с красивым расписанным палехскими картинками чернильным прибором. Это был единственный в течение всей моей жизни личный письменный стол. За ним

я закончил институт. Появилась и своя кровать. До этого спал на сундуке с дедом. Основное занятие семьи — чтение. Выписывали газеты, толстые журналы, покупали и приносили для прочтения книги. Читали все, запоем, в очередь. Иногда до утра. В комнате атеисты, православные — ново веры, староверы и множество икон. В отсутствие родителей вслух часами вместе со знакомыми староверами читали религиозные тексты. Семья жила жестко, по спартанским принципам. Иначе бы мы не выжили. По очереди заболели родители мамы раком бабушка, затем дедушка и умерли. Это были неординарные, очень правильные с точки зрения морали и нравственности, целомудренные люди. Умирили у нас всех, на глазах, дома. Молча. Сестры отца вышли замуж. В 1957 году умерла и мама отца — Наталия Васильевна Бугаева (Сокова), которая последние несколько лет опекала меня. Н.В. Бугаева в нашей семье была «белой вороной», была явно не из крестьян. На время похорон сбежал из дома. Из многочисленных родственников чаще вспоминаю именно ее.

С 1946 года отец на три месяца в каникулы /летом/ начал работать сначала заместителем, а с 1947 года бессменным директором пионерского лагеря от Тракторного завода на северном берегу озера Акакуль. По численности это второй, после Артека пионерский лагерь — больше 950 отдыхающих детей в смену. В 1948 году в августе на территории саймы /рыбачья заимка на северном берегу озера Акакуль в тайге/, где мы жили, 1.5 км от лагерных домиков, появилась группа старших офицеров из «бериевых» структур. Рядом с берегом и нашим 4-х квартирным домиком на территории саймы, появились глубокие шурфы. Вскоре, в начале 3-й смены, в первых числах августа 1948 года потребовали срочной эвакуации лагеря. Для прояснения обстановки в августе 1948 года состоялся ночной телефонный разговор с И.В. Сталиным. Присутствовали Исаак Моисеевич Зальцман, директор завода, председатель профкома и мой отец — Андрей Васильевич Соков. Отец предлагал оставить лагерь в покое до окончания смены, так как ликвидация лагеря вызовет в городе многочисленные вопросы. Рядом с пионерским лагерем строился химвкомбинат «Маяк». Реакция И.В. Сталина интересна, он долго молчал, а потом сказал: «пусть остаются». На следующий год пионерский лагерь «переехал» в березовую рощу на берегу озера Смолино.

В 1954 году отец напечатал первую и, к сожалению, единственную книгу, где проанализировал свой опыт работы с детьми [Соков, А.В., 1954]. Эта книга есть в Челябинской областной универсальной научной библиотеке. Вероятно и во многих других библиотеках страны. Книга посвящена методам и алгоритмам работы в пионерском лагере, подбору персоналу, подготовке лагеря к ежедневной и посменной работе. Эту книгу можно рассматривать как пособие по работе в пионерских лагерях для начальника, его заместителей, воспитателей. В основе работы использовались методы и приемы А.С. Макаренко с трудными подростками. В пионерском лагере ежегодно было много известных поэтов, писателей, деятелей искусств. Была и партийная делегация из Северной Кореи и другие делегации.

Вторая книга-рукопись была написана позже и посвящена сотрудникам и воспитанникам интернатов 4 и 5, позже переименованному в 11-ый. Интернаты расположены на улице Бажова, сейчас там факультет ЧГПУ. Рукопись долгое время хранилась в нашем садовом загородном домике. К сожалению и я не сохранил и не напечатал ее. Там же пропали около 2-х тысяч открыток, среди которых было несколько сот немецких открыток с фронта. Открытки, посвященные различным праздникам — рождество, новый год, различные поделки, безделушки приносил все тот же товарищ отца, А.В. Суворов. Одну из безделушек, декоративную финку, украшенную изумрудами, рубинами (?), отобрал в школе №48 учитель этой школы М.И. Кутузов. Странное полное совпадение по ФИО: А.В. Суворов — М.И. Кутузов. Кроме книг отец много лет в пионерских лагерях и интернатах вел журнал поощрений и взысканий, который, в свое время рекомендовал А.С. Макаренко «директорам школ на каждого ученика завести картотеку, личное дело» [Соков, А.В., 1954, с. 64]. Эти журналы /картотеки, личные дела воспитанников/ могли сохраниться в архивах интернатов 4 и 5 (11).

На заводе (ЧТЗ имени И.В. Сталина) работало до 80 тысяч человек, вместе с членами семьи это около 300 тысяч. Было изготовлено 18 000 танков. И каких танков! В основном Т-34, ИС в разных модификациях. Лагерь «Чайка» на берегу озера Смолино до 2016 года принадлежал Челябинскому тракторному заводу, последние несколько лет он не работал и был продан строительной компании.

Сейчас в Челябинске возводят три коттеджных поселка, в которых планировали разместить президентов и других гостей саммитов ШОС и БРИКС 2020 года. Из них два «Теорема» и «Хрустальный» на территории пионерского лагеря «Чайка». Но главы государств в Челябинск не приедут.

В какой-то мере именно пионерским лагерям, жизни в тайге на берегу озера Акакуль и затем под Челябинском на берегу озера Смолино, в течение 17-18 лет обязан своим здоровьем. Ликвидировался разрыв в физическом развитии — у меня было прозвище «Кощей бессмертный». В пионерских лагерях я начал работать, инструктором по плаванию, помощником воспитателя хоккеистов юношеской команды «Трактор». Воспитателем был В.П. Никитин, тренер по гимнастике из спортклуба ЧТЗ. В лагерях я узнал и познакомился со многими интересными людьми.

Вот и все, какой-либо памяти о районе, кроме танка на Комсомольской площади, военной техники и стелы победы в парке Победы, улицы И.М. Зальцмана в поселке Чурилово и музея ЧТЗ — нет. А пока над Тракторозаводским районом г. Челябинска парит «БОВИД».

Школа. В 1946 году поступил в школу № 48. Школа до 1954 года была мужской, а затем ее смешали с ученицами школы № 18. Первая учительница — Наталия Владимировна, запомнилась как тихая, скромная. Учился без труда. Нравилась математика, химия, физика. Учился музыке по программе музыкальной школы на дому. Инструмента не было, отец на ватмане нарисовал клавиши пианино. А по вечерам и в воскресные дни практиковался в актовом зале в школе № 48. На пятом-шестом году обучения учительница погибла. Отец, за несколько лет работы в пионерских лагерях заработал небольшую сумму денег. В то время машина «Москвич» и пианино стоили примерно одинаково. Советовался в семье, что купить. Купил пианино «Красный Октябрь» и я продолжал учиться музыке самостоятельно. Аккомпанировал школьным певицам на вечерах в школе. А машины у отца и меня не было никогда. Пел в хоре, ходил в походы, занимался гимнастикой в секции. Тренер В.П. Никитин. Выполнял все силовые упражнения. Дома смастерил кольца, турник, боксерскую грушу. Раздобыл гири Каслинского завода, ядра от пушек и мортир. Знакомый переделал их в гантели и гири. Одновременно с нами в зале тренировались девочки. В отличие от нас они были в основном мастерами спорта, входили в сборные страны. Тренер Т.А. Никитина. В одну из этих девочек влюбился. Эта любовь, оказала влияние на всю мою последующую жизнь. В 5-8 классах определялся в выборе профессии. 10б класс в 1956 году закончили 24 ученика. Помню многих учителей, причем с положительной стороны. В 9-10 классе появилась молоденькая учительница по математике. Вызвала меня к доске. Доказал теорему по-своему. Поставила двойку. А на следующий день, вызвала к доске, извинилась и исправила двойку на пятерку. Учительницу зауважал весь класс. Очень сильный класс. Подавляющее большинство выпускников нашего класса получили высшее или среднее образование. Есть профессора, доктора наук. Многих нет в живых. После поступления в закрытой НИИ связи с одноклассниками прекратились. Меня как будто «забыли».

После 10-го класса от военкомата был направлен в военно-морское училище в Севастополь. Условия великолепные, о том, как нас кормили, до сих пор вспоминаю. Для паренька из бедной семьи. По качеству как в ресторане и 5 раз в день! Сбежал. Причин несколько. Первая и главная — дисциплина, выполнение бессмысленных приказов. Выкопай яму. Закопай яму. Перенеси 50-100 кроватей из одного помещения в другое, затем обратно. И все

это многократно повторялось. И тоска по той самой, что осталась в Челябинске. Девушка меня не дождалась. Увели ее у меня более состоятельные и состоявшиеся взрослые. Зря вернулся? Не знаю. В себя после неудачной любви пришел через несколько лет.

Институт. Вернулся в Челябинск вечером 31 июля 1956 года. 1 августа 1956 года попытался подать документы в ЧПИ. Сейчас ЮУрГУ. Отказали. Случайно встретил одноклассницу, разговорились, не виделись 2 месяца. Подала документы в медицинский институт, решила узнать расписание экзаменов. Я поступать в медицинский институт не планировал. Неожиданно в коридоре мединститута ко мне подошел заведующий кафедрой физкультуры Ион Абрамович Шкловский. В течение нескольких лет я участвовал в различных соревнованиях и, скорее всего И.А. Шкловский видел меня именно там. Все как-то странно, как будто запрограммировано. Мои мысли кем стать, кем быть были не важны. Все уже было ясно, я должен стать врачом! Зачем? Почему? Дома у меня уже с 1945 года лежали учебники: латинский язык для гимназий и прогимназий 1907 года издания, шесть томов немецкого атласа по анатомии, изданного в Германии до Великой Октябрьской революции, довоенные учебники по терапии, хирургии, оперативной хирургии, нервные болезни, гинекологии, венерологии, детских болезней, врачебной практике и т.п. Вся эта сейчас уже антикварная медицинская литература сохранилась у меня. Во время войны в подъезде жила соседка, детский врач. Она-то меня и лечила. После войны Наталия Владимировна Ворожева /Князева/ решила вернуться на родину, по-моему, в Киев. Всю медицинскую литературу оставила мне: «может быть Лева будет врачом»!?

На экзаменах набрал 19 из 20 баллов. Поступил. Дальше тренировался в «секциях» самбо и велосипеда. А выступать приходилось в городских соревнованиях по гимнастике и гонках на велосипедах за медицинский институт. Занимал призовые места. На первом курсе от Советского райкома комсомола отвечал за группу дружинников, контролировавших центр города Челябинска: три ресторана, драмтеатр, площадь Революции, проспект Ленина, ул. Кирова. В группу входили студенты медицинского института, старший В. Викторов, я заместитель, несколько студентов ЧПИ, старшеклассники местных школ. Однажды «поймали» вооруженного милиционера в штатском. В центре внимания нашей группы были карманники и многочисленные молодые и не очень мужчины, вооруженные кастетами, ножами, иногда огнестрельным оружием, стекавшиеся в центр города. На первом курсе остался на второй год по болезни. Операция в сессию. На первом курсе учились «условники», студенты, принятые сверх плана. Поэтому в течение первых 1-3 лет обучения администрация стремилась гармонизировать пропорцию: число студентов должно не превышать количество принятых. Один раз из-за отметки грубо поспорил с преподавателем. По анатомии. Предмет знал очень прилично, много работал в анатомическом отделении, с препаратами трупов, по немецким атласам. И с хирургом В.А. Крижановским, не поверил, что я самостоятельно поставил диагноз больной — болезнь Реклингхаузена. Знал бы он, какую литературу я имею и читаю!

На государственных экзаменах из 5-ти в торжественной обстановке у меня 2 лучших ответа. Лучший ответ объявлялся и обставлялся особым образом, торжественно. Это из мужской части подгруппы состоявшей из 15 студентов, где в дальнейшем более 2/3 стали профессорами, докторами наук, кандидатами наук, главными врачами.

Работа. Семья. Окончание института, распределение. В 1956 году впервые устроился работать санитаром на скорую помощь. Воспоминания: тяжелобольные молодые женщины — много крови. Аборты были запрещены. В пионерских лагерях работал инструктором по плаванию. Однажды ночью, в грозу за помощью в поиске 2-х не вернувшихся с лодочной прогулки подростков, обратились сотрудники обкома партии. Дачи рядом с пионерским лагерем. В помощь дали милиционера. У нас была лодка с мотором, не приспособленная к ураганному ветру, метровым волнам, дождю и абсолютной темноте. Ориентировался в пространстве только при частых вспышках молний. Одна две за минуту. Искали часа 2-3, вдоль и поперек озера Смолино. Удивляюсь до сих пор: как мы с милиционером остались живы — мы вернулись из ада. А дети утром нашлись. В 1961 году встретил новую девушку, женился. В 1962 году родился сын. Пошел работать участковым фельдшером в МСЧ №8, поликлиника №1. Есть запись в трудовой книжке. Зачислен в должности фельдшера 10.08.1962, уволен 30.03.1963 года. Обслуживал вызова, принимал больных. После учебы. После окончания института

распределен в область. Жена студентка медицинского института. Ребенок до года, жили в это время в съемной квартире. Шло распределение врачей. На приеме у заведующей ОБЛЗДРАВ отдела Р.С. Алексеевой, в присутствии представителя горкома партии Плаксина (?), жена задала вопрос: «на каком основании и перечислила 5-10 фамилий, студенты которых оставлены в г. Челябинске, а ее муж распределен в область?» С 10.08.1963 года зачислен в ГССМП разъездным врачом. Знаний не хватало. Записался в Челябинскую областную универсальную научную библиотеку. Через полгода, год понял — для меня здесь нет ни перспективы, ни интереса. На ГССМП проходили медицинские конференции. Докладчики — врачи скорой помощи. Решил взять тему для доклада. Дали тему «Черепно-мозговые травмы». Просмотрел около 25 000 карт вызовов. Выбрал травмы головы, всего получилось около 1200. Распределил все по подстанциям районов: Советский, Тракторозаводской, Ленинский, ЧМЗ, ЧГРЭС. Посетил все травматологические пункты города и все связанные с ними стационары, просмотрел все истории болезни. На конференции присутствовали главный хирург области профессор, д.м.н. И.Д. Корабельников и главный невропатолог города, заведующая нервным отделением ГБ №1 Е.Е. Ратнер (?). После выступления получил два предложения: место в аспирантуру по нервным болезням, второе — научным сотрудником в ФИБ №4.

На празднике в честь 8 Марта 1965 года ко мне подошел муж сотрудницы ГССМП Павел Голощапов и предложил работу в ФИБ №4. Для работы в филиале этого НИИ нужен допуск к секретным работам. Оформляли почти год. Обычно для получения или отказа допуска к работе с секретными документами достаточно было и месяца. Я на это не обратил внимание. К сожалению. За помощью и советом обратился к руководителю офтальмологического кружка профессору д.м.н. Петру Соломоновичу Каплуновичу, который был знаком с администрацией ФИБ №4. Кружок посещали три студента: М.И. Уздин /уехал на ПМЖ в Израиль/, Я.И. Жаков и я. В кружке занимались практической работой. В основном, в ожидании больных по скорой из области, П.С. Каплунович играл со мной в шахматы. А допуск все оформлялся. Дважды звонили, увольнялся с основной работы, вновь устраивался. В январе 17 1966 года мне позвонили в очередной раз и с 17 января 1966 года я, по записям в трудовой И.О. М.Н.С. В конце января в квартире произошел скандал с соседями. Нас с женой обвинили в избиении соседей. Мы жили в это время в комнате двухкомнатной квартиры родителей жены. С нами должна была жить одна соседка. По прописке. Но с ней жила еще семья. Родственники, сестра и ее муж, прописаны в Ленинском районе на улице Барбюса. Там жить не могут, не ладят с соседями. И пошло поехало. Проверяющие комиссии одна за другой. Заседания товарищеского суда, подготовительные мероприятия. Сбор справок, характеристик, поиски свидетелей. И т.д. и т.п. А у нас ребенок 2-х лет, садик, жена студентка 3-го курса и еще по ночам берет дежурства в экстренной хирургии. И у меня новая работа, новый коллектив! Ужас. А нам многочисленные сочувствующие и друзья соседей, странные полуофициальные — «старый» коммунист и полуофициальные и официальные личности и сотрудники товарищеского суда, милиции грозят тюрьмой. И мне и жене. У соседки с Ленинского района на руках судебно-медицинское заключение: многочисленные гематомы рук, ног, грудной клетки, живота, спины. В марте 1966 года ко мне подошел профессор клиники ФИБ №4 В.И. Кирюшкин и предложил сделку: уволиться и судебного дела не будет. Что делать? В любом случае семью опозорили. Решил остаться ИО МНС в ФИБ №4. Отработал 15 суток в мае 1966 года — чистил канализацию. Что думает и чувствует человек, когда над ним продолжительное время издеваются? Начинает ненавидеть власть. Отработав 15 суток вспомнил, к соседке на следующий день после скандала вызывали участкового врача. В поликлинике, где еще недавно работал, в регистратуре нашел амбулаторную карту соседки и запись врача: «кожные покровы чистые, на предплечьях справа и слева следы в виде свежих гематом от пальцев рук...». И все. С этой амбулаторной картой я решил найти судебно-медицинского эксперта. Нашел. Это была женщина. Она призналась, что справку о «побоях» написала со слов обратившейся. «Пострадавшую» не осматривала, не раздевала, так как в кабинете во время выходных были разбиты стекла. Была зима. Передо мной судебно-медицинский эксперт извинилась. А в ФИБ №4 сделали вид, как будто ничего не произошло. Мгновенно все стихло. Не сомневаюсь, у этого события был и сценарист и режиссер. И кому-то все это было нужно. Может быть, дело в моей биографии, биографии отца? То, что студенты могли быть завербованы и могли тебя охарактеризовать перед КГБ

нелестным образом, я это знал и даже знал, кто в группе и на курсе связан со спецслужбами. Более того, отец подробно рассказал, из опыта своей службы, как доносят, мстят и дискредитируют неудобного, просто неприятного человека, конкурента. По должности он был заместителем командира полка НКВД по идеологической работе, куда и поступали многочисленные доносы. Пауки в банке, да и только. А может быть, дело было в дружбе с врачом скорой помощи Томашевским Георгием Илларионовичем и его семьей. Русский, родился в Китае, в Харбине. Родня за границей. Ездил на встречу с родственниками в Париж, Лондон. Необычный по культуре и воспитанию человек. Интересы наши во многом совпадали. В течение нескольких лет дружили и часто вместе семьями проводили время. Как и я, Георгий Илларионович занимался наукой, защитил кандидатскую диссертацию и по конкурсу прошел Тюменский медицинский институт. На этом наша дружба прервалась. К сожалению.

В 1953 году 30 апреля у меня в руке случайно взорвалась трубка, наполненная порохом. За взрывчатым веществом ездили с рюкзаками на свалки химических отходов в Ленинский район, рядом с заводом Сельхозмашин. Изготавливали пороха (горючее) для ракет, реактивных двигателей, самодельного огнестрельного оружия. В конце мая 1953 года началась гангрена, предложили ампутацию правой руки. Отец на «барахолке» купил один флакон пенициллина, несколько десятков ЕД. Обошлось. Более полувека прекрасный месяц май ассоциируется с болью и запахом канализации.

Часть II. ХУЦПА.

Бесчестность — древнее явление в науке.

Базовые способности человека генетически предопределены. В науке ученых можно условно разделить на генераторов идей, их не много, критиков, умеющих дотошно анализировать чужие идеи и умельцев «подковать блоху» — «левой», умеющих гениально работать руками. Особую роль в науке играют люди с нестандартным мышлением. С ними всегда трудно общаться, работать, но именно они, чаще всего являются авторами неожиданных открытий и изобретений. В жизни любого человека может возникнуть период выбора цели в жизни. Часто это соотносится с выбором специальности. Все это происходит на фоне самооценки личности, которая может быть, завышена, занижена и обычная, с учетом возможностей. Я был слишком самоуверен в своих силах.

Выбор темы научного исследования и направления, определяет масштаб личности. Химические элементы — это периодический закон. Именно поэтому выбрал не аспирантуру, а НИИ. В городе было известно об авариях и радиоактивном загрязнении местности с 1955 года. В голове была уже готовая тема — связь обмена химических элементов с положением в периодической таблице. Попытки выяснить закономерности распределения, обмена химических элементов в костном и живом с позиции периодической таблицы Д.И. Менделеева предпринимались многими исследователями [Вернадский В.И., Виноградов А.П., Ферсман А.Е., Войнар А.О., Schow W.H.R. и т.д.]. А.П. Виноградов в 1935 году нашел: «количественный химический элементарный состав живого вещества есть периодическая функция атомного номера». В течение 1965 года, пока оформлялся допуск, просмотрел, проштудировал в местной библиотеке литературу по этому вопросу. В ФИБ №4 пришел с готовой темой, а там предложили тему «изучение выведения радиоизотопов через почки». Заведующая лабораторией №2 к.м.н. Зинаида Васильевна Дубровина предложила перевести с английского языка на русский статью о выведении стронция и кальция через почки у собак и создать сходную методику для изучения выведения химических элементов у крыс. Начал с поиска в литературе методики определения парциальных функций почек у крыс. Не нашел. Поэтому пришлось создать свою собственную методику определения парциальных функций у крыс. Для этого использовал найденные в литературе отработанные методы и методические приемы работы с крысами. Помог советом и подарил две упаковки инулина профессор, д.м.н. И.И. Зарецкий. Он в это время в Москве заведовал отделом в НИИ гематологии. Занимался лейкозами. До этого занимался физиологией почек [Зарецкий, И.И., 1963]. До сих пор благодарен этому человеку, за консультативный прием, за советы по методике, за практическую помощь.

На годовом отчете в лаборатории №2 в декабре 1967 года представил наработанный материал по группе радиоактивных изотопов и обнаруженных закономерностях обмена от их физико-химических констант. Заведующая лабораторией З.В. Дубровина предложила защитить

диссертацию. В январе 1968 года доложил материал на ученом совете ФИБ №4. В защите диссертации отказали. Прошло 2 года с момента поступления в НИИ. Не видел перспективы дальнейшего пребывания и подал заявление об увольнении. Заведующая лабораторией З.В. Дубровина заявление порвала и объяснила: «защитится Павел, защититесь и вы».

Роза Моисеевна Малкина, младший научный сотрудник, жена Павла Михайловича Малкина возглавляла местную этническую группировку и в открытую контролировала практически всю жизнь, в том числе и научную в НИИ. Р.М. Малкина согласно теме изучала всасывание Sr-90 из желудочно-кишечного тракта. Покровительствовал ей директор ФИБ №4 И.К. Дибобес, москвич. В свое время именно И.К. Дибобес набирал первых сотрудников. Филиал НИИ был создан после местных радиационных аварий и работал уже около 10 лет. Кандидатов наук в ФИБ №4 к моему поступлению было 4-5 человек, а докторов не было вовсе. Неожиданно для меня появилось новое препятствие для самореализации. Представители сетевой этнической структуры, «запретили» мне не только защиту диссертации, но и тему научной работы. При мне по требованию этой группы лиц из нашей лаборатории уже уволились два научных сотрудника, которые являлись их конкурентами. Меня спасла случайность. В 1968 году 29 октября исполнялось 50 лет ВЛКСМ. Почти все молодые сотрудники ФИБ №4 заранее подали статьи (доклады) на юбилейную конференцию, которая должна была состояться в Москве 29 октября 1968 года. Подал статью и подготовил доклад и я. Это был тот самый забракованный доклад с январского ученого совета ФИБ №4 1968 года.

В огромном пустом зале нас, участников конференции (секции), было человек 25-30. Ведущие, а их было двое: директора института биофизики МЗ СССР академик АМН СССР Андрей Владимирович Лебединский (1954-1962) и академик АМН СССР Петр Дмитриевич Горизонтов (1962-1968). В моей работе их интересовало все. Методы и методические приемы работы с животными. Выбор изотопов, схемы исследования. И, конечно, формулы, расчеты. Они вставали, выходили к доске и сами начинали считать и пересчитывать фильтрацию, реабсорбцию, клиренсы, концентрационные индексы, спорили, что-то доказывали друг другу и мне..., а я им. Результаты расчетов сравнивали с результатами зарубежных авторов.

По возвращении в Челябинск мне выдали премию, а в трудовой книжке появилась запись: «Выдана премия в сумме 50 рублей. Пр. 189 б/Х168.» Нужно срочно сдавать кандидатские минимумы, оформлять диссертацию, автореферат. Писать статьи. Где-то в это время отослал методическую статью в журнал «Лабораторное дело». Получил странную «разгромную» рецензию, методика не годится, крысы теряют много крови и т.п. В тексте рецензии перепутаны все термины, логика самой методики. В основе метода были использованные апробированные и напечатанные в иностранных журналах приемы, а определение теста-вещества проводилось в 0,1 мл капли крови, с последующим пересчетом по гематокриту на 1 мл плазмы крови. Количество крови можно было уменьшить до 0,05 мл и менее без изменения самой схемы метода. Для этого использовался не эндогенный креатинин, а инулин. Тот самый, подаренный профессором, д.м.н. И.И. Зарецким. Инулин в клетки не проникает и в отличие от креатинина определяется в малых количествах крови крыс. Собственно — это изобретение. Обычные методы предлагали для определения теста-вещества отбирать от 1,0 мл крови или забивать крыс обескровливанием. Написал гневное письмо главному редактору журнала и обвинил редакционную коллегию в непрофессионализме. Хотя понимал неприятности идут из ФИБ №4, конкретно, лаборатории, а может быть КГБ? В это время продолжал заниматься периодической системой, поиском закономерностей обмена химических элементов от их физико-химических свойств. З.В. Дубровина была занята докторской диссертацией и, тем не менее, поддерживала мои идеи о связи обмена химических элементов с их положением в таблице Д.И. Менделеева. Неожиданно для меня она написала и опубликовала две статьи на эту тему, где использовала свои и мои зависимости метаболизма химических элементов от их физико-химических констант [Дубровина, З.В., Соков, Л.А., 1969; 1970]. Закончив докторскую диссертацию, защитившись, получив степень доктора наук, уехала в какой-то НИИ в Ленинград. В 1969 году сдал кандидатские минимумы, написал и напечатал диссертацию. Стал ждать, когда защитится П.М. Малкин, сотрудник лаборатории, в которой я работал. В это время у меня параллельно было несколько утвержденных тем, в том числе работа с коровами, препаратами алгиновой кислоты, проверкой эффективности препаратов, синтезируемых в НИИ

города Свердловска и т.п. Темы, связь параметров обмена химических элементов со строением и положением их в таблице Д.И. Менделеева, официально никогда не было. Для меня это была «основная» тема, и все свободное от работы время я занимался поисками этой связи. Решение пришло внезапно в 23.30, 15.04.1970 года. Было найдено: показатели поступления химических элементов из желудочно-кишечного тракта в организм являются периодической функцией атомного номера (числа протонов в атоме). Это научное открытие. Я испытал состояние эмоционального шока. Я уже понимал и знал цену научному открытию, и понятию — интеллектуальная собственность. И помнил в ФИБ №4 выдвижение и список лиц на Ленинскую премию за предложенный мной препарат [Соков, Л.А., 2012, с. 29]. К этому времени прочел до полусотни биографий ученых, совершивших научные открытия [Голованов, Я, 1970, и др.]. Изучил ряд пособий по оформлению изобретений. Приобрел и проштудировал Комментарий к ГК РСФСР. Раздел V ПРАВО НА ОТКРЫТИЕ Статьи 517-519, с. 756-758. ... [Комментарий к ГК РСФСР, 1970]. То есть был в какой-то мере подготовлен юридически.

Чтобы не потерять право авторства на открытие необходимо его зарегистрировать или напечатать. С этой целью я обратился и проконсультировался с начальником Южно-Уральского филиала предприятия «Патент» А.Г. Бутакову. А.Г. Бутаков после ознакомления с материалом предложил помощь сотрудников предприятия «Патент» в оформлении заявки на открытие. В оформлении заявки помогала сотрудница предприятия «Патент». Она предложила сформулировать формулу открытия заполнить заявление на открытие. То есть работа по оформлению заявки началась. Трудности в оформлении заявки определялись отсутствием пособия по оформлению заявки на открытие и отсутствием опыта оформления подобных работ, секретностью работ ФИБ №4. Начальник 1-го отдела ФИБ №4 Я.Ф. Арямов требовал от меня прекращения оформления заявки. Я.Ф. Арямов, полковник в отставке, служил в прокуратуре Западного Берлина. Когда я в ответ на просьбу А.Г. Бутакова ускорить оформление заявки, ссылаясь на запрет из-за секретности предприятия, то в ответ слышал от начальника «Патент» А.Г. Бутакова «у нас оформляют заявки, в том числе и “закрытые” предприятия, которых на Урале очень много». Очевидно, дело было не в открытии. Отрасль и ФИБ № 4 контролировались организованной этнической нацистской группой лиц.

В это время в ФИБ №4 происходили глобальные перемены. Директор филиала №4 И.К. Дибобес тоже защитил докторскую диссертацию и был назначен заместителем начальника №3-го Главного управления МЗ СССР А.И. Бурназяна по научной работе (?). Защитили докторские диссертации В.Л. Шведов и Т.Н. Тужилкова. Профессор, д.м.н. В.Л. Шведов назначен директором ФИБ №4. Одновременно с этим он являлся заведующим лабораторией №3. Лаборатории №3 и №2 объединялись единой темой, во главе лаборатории №2 назначалась д.м.н. Т.Н. Тужилкова. Все темы у всех сотрудников закрывались. У меня появилась новая тема, 15-я по счету (?), генетические мутации при инкорпорации Sr-90 в эксперименте и на примере населения зараженных территорий. За помощью в реализации найденной закономерности несколько раз обращался к В.Л. Шведову. Директор ФИБ №4 не возражал, если я подготовлю докторскую диссертацию и подам заявку на открытие. Это было в мае 1970 года, перед моей защитой кандидатской диссертации в июне и осенью, в сентябре, перед поездкой в Семипалатинский полигон.

На Семипалатинском испытательном ядерном полигоне (СИЯП) находился с сентября по начало ноября 1970 года. Официальное название: 2-й Государственный центральный научно-исследовательский испытательный полигон (2 ГЦНИИП). В среде испытателей полигон получил неофициальное название «двойка». Мне и сотруднику ФИБ №4 Борису Шуховцеву предложили работу в этом НИИ. Б. Шуховцев радиолог специалист по внешней среде. Нам показали оснащение лабораторий этого института. Меня соблазняли обилием экспериментального материала, подлежащего обобщению. Для этого нужно перейти из запаса на действительную службу. Это «военный» НИИ. Отказался. Почему-то верил в обещания директора ФИБ №4 В.Л. Шведова. Да и семья, жена в аспирантуре, у нее своя карьера.

Мне не хватало поддержки З.В. Дубровиной. За время работы в ФИБ №4 с января 1966 по февраль 1972 года я «заработал» пять благодарностей в трудовую книжку, мой портрет уже давно был на доске почета, был членом местного комитета, получил звание к.м.н., в перспективе вот-вот должен был получить квартиру, которую мы с женой /была беременна

вторым/ уже посмотрели и распланировали: что и где будет стоять. И, наконец, поддержка темы З.В. Дубровиной, которая не была зарегистрирована официально: «зависимость параметров метаболизма от строения химических элементов — от положения периодической таблице» для меня была очень важна. Да и завершению работы над кандидатской диссертацией я обязан этому человеку. Хотя методам и методическим приемам работы с изотопами я в значительной степени научился у Наума Моисеевича Любашевского. Лет 10 назад иммигрировал в Израиль. Н.М. Любашевский уволился, переехал в Свердловск в лабораторию к Д.И. Семенову /это сотрудник из «Лаборатории Б», Н.В. Тимофея-Ресовского/. Меня обязали вместо Н.М. Любашевского получать и выдавать в лаборатории №2 радиоизотопы и защитные препараты. Никто не обратил внимания, это работа не 3-го, а 2-го класса. И горячий стаж. Но у меня появилась возможность получать для реализации своей идеи разнообразные радиоизотопы, выписываемые всеми сотрудниками ФИБ №4. Этим я, прежде всего, обязан радиохимику, Роберту Ивановичу Погодину, который получал изотопы на НИИ в целом. Всего на своей методике изучил парциальные функции почек для 26-27 химических элементов. К сожалению, эту возможность испытывать все новые и новые радиоактивные изотопы, набирать материал для подтверждения своей гипотезы, запретили. «Лишние» радиоактивные изотопы «пропадали», крысы перерастали и уничтожались. Мои многочисленные друзья физики, радиохимики, радиобиологи, экологи..., ко мне явно охладели. Я постепенно и явно терял авторитет, заработанный за эти годы. Успехи в работе, научное открытие с одной степени вызывает симпатию и зависть с другой. И конечно, сотрудники просто боялись этнической группировки. Доходило до абсурда со мной не здоровались в присутствии кого-либо из этно-группы, и охотно общались в их отсутствии.

З.В. Дубровина уволилась, и я лишился защиты от внутри лабораторной и внешней внелабораторной этнической группировки. Тем более диссертацию Павла Михайловича еще не утвердили. Кстати все время работы у нас с Розой Моисеевной и мужем, Павлом Михайловичем был общий рабочий кабинет. Каких-либо ссор и противоречий с этой семьей и этно-прайдом у меня не было. **В чем причина травли, мне до сих пор не ясна. Может быть зависть? Пришел со «скандалом», только что начал работать → защитил кандидатскую и докторская на подходе, оформляется заявка на открытие? А может быть меркантильные? В ФИБ №4 появилась ставка старшего научного сотрудника, освободилось место заведующего лабораторией?** И, тем не менее, эта группировка требовала запрета на занятие научной работы именно по теме — обмен химических элементов и положение в периодической системе. Обсуждение мной найденного открытия периодически продолжалось. Эти требования выдвигались, шумно, эмоционально обсуждались, поддерживали на всех научных мероприятиях ФИБ №4 все представители этого этноса и их «шестерки». Изоляция в филиале нарастала, если ранее я свободно общался со всеми сотрудниками, меня стали откровенно избегать. Многие прекратили здороваться. Травля продолжалась и усилилась. Я просил у директора ФИБ №4 В.Л. Шведова назначить внешнего рецензента, положенного по закону, может быть какого-либо НИИ, в чем мне отказали, хотя по положению об открытиях не имели права. Кто-то «руководил» действиями профессора В.Л. Шведова, в том числе и из Москвы. На ученом совете ФИБ №4 решили на месте обсудить и принять решение о дальнейшей судьбе научного открытия.

Рецензентом был Владимир Михайлович Бочкарев, мнс, радиохимик из лаборатории, возглавляемой Сабиной Яковлевной Зайдман. С.Я. Зайдман не просто поддерживала Розу Моисеевну, она была инициатором запрета моей внеплановой темы. Рецензия на представленные мной материалы была неожиданной. После предварительного обсуждения, где доброжелательно рассматривались физико-химические аспекты проблемы, мнение рецензента-оппонента радикально изменилось и вызывало недоумение. С рецензентом что-то произошло. Что? Суть выступлений и обсуждения как у А.П. Чехова: «этого не может быть, потому, что этого не может быть никогда» [рассказ «Письмо к ученому соседу»]. Достучатся до сознания любого члена ученого совета, было не возможно. В выступлениях и рассуждениях отсутствовал здравый смысл, присутствовала наглость, выходящая за пределы дозволенного даже между врагами. У меня создалось впечатление о сговоре всех присутствующих. Коллективно и согласовано отрицали все: современное представление о строении химических элементов, саму

периодическую таблицу Д.И. Менделеева (!) и биологические показатели обмена химических элементов в живом, экспериментальные данные западных ученых, опубликованные МКРЗ при ООН [Радиологическая защита, 1961, 260 с. Таблица 12; Bibliography for biological, mathematical and physical data // Health. Physics. — 1959. — №3. — 360 p.]. А это около 2000 экспериментальных работ западных исследователей.

Через несколько десятков лет я встретил товарища детства, жили в одном доме, подъезде, Сергея Муркова, который поведал мне о трагическом событии, произошедшем в его жизни. На Белоярской АЭС появился сотрудник, В.М. Бочкарев, мест в общежитии не было. Предложил временно пожить у него, в семье. В результате ни семьи, ни жилья. Ни у того, ни у другого. Подлость и предательство — это навсегда, это в крови, передается генетически, закрепляется воспитанием и образованием. Уверен, администрация ФИБ №4 прекрасно знала биографию В.М. Бочкарева.

За представителями сплоченной группы «оппонентов» стояли представители местной этно-общины города, в основном Советского и Центрального районов, а в Москве в №3-ем Главном управлении МЗ СССР, возглавляемом А.И. Бурназяном, работал их покровитель зав. отделом науки, бывший директор ФИБ №4 И.К. Дибобес, который в свое время создал и более 10 лет лелеял этно-группу. От него у любого из сотрудников в филиале многое зависело. Собственно, карьера, да вся жизнь.

На фоне классического многолетнего буллинга, это уже не научный рэкет, как в случае с Ленинской премией, а научный бандитизм — ХУЦПА [/https://ss69100.livejournal.com/3215956.html/](https://ss69100.livejournal.com/3215956.html/). Это вандализм в рамках всего филиала №4, сейчас это УНПЦ РМ. Успехи не прощаются никогда и никому. Или ты делишься с сильным, или тебя обворуют и/или уничтожат. Как правило, креативные идеи возникают в головах младших научных сотрудников, растворяются в коллективе, реализуются начальством, которые в дальнейшем становятся академиками. Это и есть ползучий научный рэкет. Именно поэтому нужна регистрация научных открытий и креативных людей. Со мной происходило что-то невероятное. Меня оскорбляли, а я не мог ответить. У меня просто не было таких возможностей. Я был беззащитен. Господствовало право сильного. Никакой морали для этих людей не существовало. Инженерно-технический и научный персонал молчал. Может быть, использовался и был применен метод нейро-лингвистического программирования поведения сотрудников института? Безнравственный прием ведения полемики поддержала администрация и ФИБ-а №4 и Института биофизики МЗ СССР.

В 1971 году директор ФИБ №4 В.Л. Шведов отказался от своих обещаний. Мне кажется, что-то произошло — но уже в Институте биофизике и 3-ем Главном управлении МЗ СССР. То есть В.Л. Шведов получил официально добро на уничтожение научного открытия и его автора. После командировки в СИАП. Может быть это просто совпадение? Кто стоял за В.Л. Шведовым? И если я, исполняя обязанности заведующего лабораторией №2, по каким-либо текущим делам обращался к сотруднику лаборатории В.С. Корытному с просьбой, то он просто посылал меня матом. Если я обращался с жалобой на В.С. Корытного, из-за мата и оскорблений и хамства к директору ФИБ №4 профессору В.Л. Шведову, то не получал от него какой-либо поддержки. Если несколько месяцев назад в отсутствие новой заведующей лабораторией №2 Т.Н. Тужилковой на заведовании оставляли меня, то теперь выбрали по конкурсу с.н.с. В.С. Корытного и оставляли на заведовании его. В.С. Корытный один из представителей местной сионисткой ячейки, и научный сотрудник из лаборатории №3, руководимой Директором ФИБ №4 профессором В.Л. Шведовым.

Хуцпа — это омерзительный прием, сверх наглость, прием из группы фейков, имеет национальный оттенок. Фейк это разнообразная информационная мистификация или «новость в отсутствие новости». Хуцпа свойство экстраординарной наглости, нахальности, хамства, злости и нетерпимости богоизбранных, по отношению к другим, гоям [/https://ss69100.livejournal.com/3215956.html/](https://ss69100.livejournal.com/3215956.html/). Хуцпа всегда содержит информацию, но она переворачивается на 180°. Белое это черное, горячее это холодное и т.п., и наоборот. Доказать истину невозможно, так как это сговор обычно группы лиц. Это спектакль. Истина предопределена. Целью инициаторов хуцпы получение выгоды. Прием хуцпы может использовать и один человек против другого. В настоящее время фейковость, хуцпа — это один

из элементов международной политики и взаимоотношений между государствами. Вот с таким «чудовищем» я столкнулся в закрытом филиале института Биофизики МЗ СССР 50 лет назад. В закрытом!

Мне пришлось письменно обратиться за помощью к академикам АН СССР А.П. Виноградову, В.А. Энгельгардту, академику АМН СССР и РФ Л.А. Ильину. Странно, не помог академик А.П. Виноградов, у него уже была сходная работа по живому веществу и периодической таблице от 1935 года. С академиком АМН Леонидом Андреевичем Ильиным был знаком лично. Познакомился в ЛНИИРГ-е на V Научно-практической конференции по радиационной гигиене в 1967 году. Л.А. Ильин, в то время доктор наук и парторг ЛНИИРГ был прекрасно осведомлен о моих идеях и поддерживал их. Вечером, после заседания между нами в его кабинете состоялась продолжительная, более часа, беседа, скорее обмен мнениями об особенностях обмена радиоактивных изотопов. Беседу организовал, известными способностями «решить любую проблему» не только в ЛНИИРГ-е, но и Питере, местный «решала» — Лева Штеппер. Я не верю в то, что Л.А. Ильин не знал о многолетней травле автора-претендента на научное открытие в одном из филиалов ИБ МЗ СССР.

Еще до увольнения из ФИБ № 4 за свой счет и на деньги родителей, «облетел» все научные центры СССР, где как считал, мог получить поддержку своим научным открытиям, идеям и гипотезам: Москва, Новосибирск, Ленинград, Ташкент, Курган, Свердловск. Мой бывший научный руководитель д.м.н. Зинаида Васильевна Дубровина просто посоветовала переехать в Петрозаводск, поближе к Ленинграду. Получил поддержку — одобрение от профессора С.А. Щукарева, заведующего кафедрой общей химии, той самой менделеевской, химического факультета ЛГУ, который в течение нескольких лет не забывал меня [Щукарев, Сергей Александрович — Википедия ru.wikipedia.orgЩукарев]. И одобрение от д.х.н. заведующего лабораторией, А.А. Кист, сейчас советника директора Института Ядерной Физики АН РУз Республика Узбекистан, 100214, г. Ташкент, поселок Улугбек Телефон: (998-71) 150-30-70 Факс: (998-71) http://www.kultura.uz/view_10_r_200.html). Удивительно в ИЯФ АН РУз была группа энтузиастов во главе с д.х.н. А.А. Кист, занимавшаяся метаболизмом, распределением элементов и периодической системой, а в Институте биофизики МЗ СССР подобного направления и специалистов не было. То есть уровень фундаментальных исследований был выше в ИЯФ Узбекистана, чем в ИБ МЗ СССР(?) [Кист, А.А., 1973; 1987].

Странно, отсутствовала реакция профессора Ю.И. Москалева ИБ МЗ СССР. Мне кажется, у профессора Ю.И. Москалева была «закрытая» диссертация, посвященная обмену радиоактивных изотопов с позиции таблицы Д.И. Менделеева. Почему не было реакции от этого человека? Он был ведущим специалистом в Институте биофизики МЗ СССР и был членом комитета Международной комиссии по радиологической защите при ООН, председателем, а затем заместителем председателя аналогичной национальной, членом Ученого совета Института биофизики МЗ СССР, членом комитета по медицинской радиологии при Академии медицинских наук СССР, членом совета ВАК. Он приезжал в Челябинск, был главным редактором всех, известных мне сборников статей, и научных тем, в которых были и мои работы и д.м.н. З.В. Дубровиной? Был не в курсе? Маловероятно [Москалев Юрий Иванович kmau.ru/sample_pers.phtml?n=7684; Москалев, Юрий Иванович. Минеральный обмен / Ю. И. Москалев. - М. : Медицина, 1985. - 288 с.].

К сожалению реальной помощи, от научных контактов и консультаций в различных НИИ страны, я не получил. В это время я пожаловался на КГБ за поддержку сетевой этно-структуры ФИБ №4 секретарю Челябинского горкома КПСС В.П. Поляничко. В 1978-1985 — заведующий сектором пропаганды [ЦК КПСС](#). Позже я узнал, В.П. Поляничко передал мое заявление в КГБ. В начале 1972 года директор ФИБ №4 В.Л. Шведов начал требовать от меня подать заявление на увольнение, в течение января, февраля угрожал уволить по статье. Уволился сам, успел, без статьи. А В.С. Корытному В.Л. Шведов из Озерска «пригнал» автомобиль.

Я потерял очень многое: не 6 лет жизни, а, как оказалось, научную карьеру после окончания ВУЗа и возможности заниматься экспериментальной работой навсегда. Все нужно начинать заново, заводить новых друзей. Снова планировать и строить научную карьеру, наработывать связи. В то время без связей русскому человеку это было не возможно. Я стал навсегда изгоем. Потерял уже официально выделенную квартиру. В этом плане меня просто

обокрали. Через несколько месяцев после увольнения потерял ребенка, жену. Жена к этому времени обрела независимость: закончила ЧМИ и очную аспирантуру на кафедре здравоохранения, преподавала и кроме этого, работала в НИИ черной металлургии в лаборатории старшим научным сотрудником. Мы расстались по ее инициативе. Я оказался на улице. В 1968-1969 годах жена жаловалась на преследования на работе, до аспирантуры работала участковым терапевтом. Проверял лично. Как будто были реальные основания для жалоб. После странной вечеринки у нас дома: в гостях были три ее подруги. Ирма Янсон, Валя Сапрыкина, Зина Шумкова (?) все врачи психиатры, выпили за вечер 100 граммовую банку кофе. Банку кофе мне продали в ФИБ №4. Резко изменилось поведение, появилась тревога, жалобы на преследование. С тещей, она тоже медик, решили обратиться к психиатру. С января-февраля наблюдалась сначала в нервном отделении в МСЧ ЧТЗ, затем до июня 1969 года в нервном отделении городской больницы №1. Провели длительную детоксикационную терапию. Выздоровела. Поступила в аспирантуру.... **А через несколько лет после издевательства над семьей и мной (семидесятые-восемидесятые годы), снова обострение, многократные лечение уже у психиатра, получила инв. I группы по психическому заболеванию.** Не верю в случайность. Тем более со мной произошел странный случай, в электричке, ездил ежедневно в Москву из Серпухова и обратно. Жил у родственников, муж сестры мамы заместитель командующего Закавказским военным округом по ремонту и эксплуатации машин /самолетов/. Выпил ~ 100 грамм жидкости и в течение примерно часа начались и продолжались какие-то странные картины, зрительные галлюцинации. Все реальное вокруг динамично меняло форму. Как я позже понял похоже на действие ЛСД. Откуда в СССР такое страшное вещество и зачем?

После увольнения, для того, чтобы устроиться на работу обращался во все ВУЗы Челябинска. В Челябинске получил только одно предложение от профессора д.м.н. Б.Г. Ситдикова, заведующего кафедрой фармакологии — полковник в отставке, токсиколог, занимался БОВ, независимый человек. В г. Кургане место с.н.с. предложил член-корр. РАМН СССР, в дальнейшем академик РАН, профессор Гавриил Абрамович Елизаров.... Устроился заведующим радиологической лабораторией ДОРЭС ЮУЖД в г. Челябинске. Работа — контроль за рентгено-радиологическим оборудованием, в основном медицинских учреждений и перевозкой урановой и ториевых руд. Свободного времени было очень много, и я, первым делом, вернулся к своим старым научным делам. В это время меня нашел сотрудник ФИБ №4 Н.Г. Ботов. Он закончил МИФИ, 1970, инженер-физик, — факультет экспериментальной и теоретической физики, кафедра радиационной физики, безопасности и дозиметрии. По интеллекту, качеству образования и аналитическим способностям превосходил знакомых мне физиков ФИБ №4. И с 1973 по 1975 годы стал основным оппонентом моих идей, в какой-то мере техническим работником: что-то отвести, кому-то что-то передать. В 1973 году предложил провести корреляционный анализ на ЭВМ Минск-22, 23 в ВЦ ЧПИ (сейчас ЮУрГУ). С сотрудниками ВЦ и математиками я встречался, однако связь с ВЦ происходила через Н.Г. Ботова. Все свои наработки, весь числовой материал, подготовленный для обработки на ЭВМ, я передавал через Н.Г. Ботова. За все расплачивался деньгами, которых практически уже не было ни у меня, ни у родителей. Всего было проведено более 3300 сопоставлений из них с физико-химическими константами 2104 и получено 915 достоверных корреляционных связей. И столько же уравнений для расчета: физико-химическая константа — объект, объект — объект. **Алгоритм анализа в виде таблицы можно найти в интернете. Презентация Л.А. Соков. ЮУНЦ РАМН, УралГУФК. «Главная последовательность дифференциации первичного космического вещества (мультиматрица). Таблица А. <http://www.myshared.ru/slide/730103/>. Из оценочной многофакторной характеристики или типа “highly likely”, перейти к однозначной оценке: да или нет.** Идеальный прием против ХУЦПы. Есть корреляция — это факт. В дальнейшем я узнал, Н.Г. Ботов, опубликовал несколько работ у нас в стране и за рубежом, где использовал, в том числе и мои идеи. Провел множественный корреляционный анализ, используя, подготовленные мной экспериментальные и теоретические табличные материалы. Эти публикации в будущем мне помогут в доказательствах научного открытия и защите докторской диссертации [Ботов Н.Г., Соков Л.А., Некрасов Б.Н., 1977; Botov, N.G., Kozulin, S.P., Mironova, N.I., Dubov, R.I., 1993, в последней статье есть ссылка на мой приоритет].

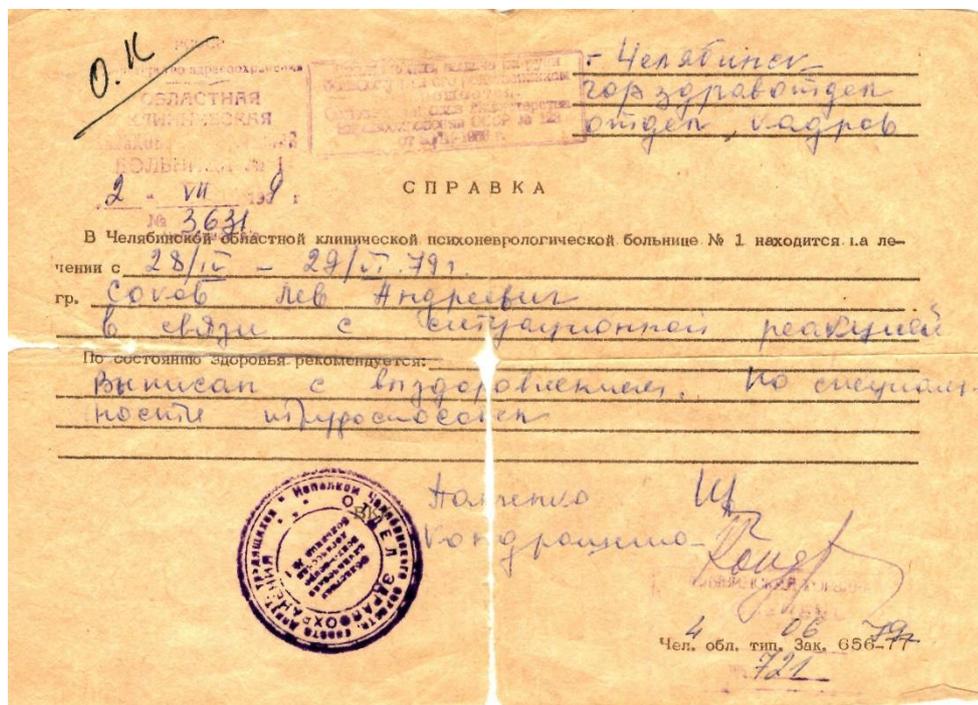
В 1973-1974 годах НИИ железнодорожного транспорта СССР запланировал и провел исследовательские работы по определению коэффициентов защиты железнодорожного транспорта от радиоактивного облучения рабочих подвижного состава в условиях ядерной войны. Работы проводились на базе радиологической лаборатории ДОРСЭС ЮУЖД. Я предложил свой вариант проведения работ, что сэкономило ЮУЖД несколько миллионов долларов на постройку экспериментального полигона. В трудовой книжке появилась очередная благодарность. Мне выдали премию, 50 рублей.

Сотрудники НИИ, узнав мои проблемы и трудности реализации результатов научно-исследовательских работ, предложили помощь. Так я оказался в Москве, на приеме у А.К. Гуськовой (1924-2015), это — советский и российский врач-радиолог, доктор медицинских наук, профессор, лауреат Ленинской премии, член Российской научной комиссии по радиологической защите (РНКРЗ), эксперт Научного комитета по действию атомной радиации при ООН, член-корреспондент Академии медицинских наук СССР, главный научный сотрудник Института биофизики Минздрава, заслуженный деятель науки РСФСР, лауреат премии Зиверта за защиту от излучений. Первая в мире пересадка костного мозга при облучении в больших дозах: вспомните фильм «Девять дней одного года». Мне явно повезло, как и с профессором И.И. Зарецким. У меня уже была пара вариантов диссертаций, которые я и предоставил: 20 и 50 страниц. А.К. Гуськова внимательно изучила представленные мной материалы. Мне были выделены консультанты. «Институт гигиены труда и профзаболеваний АМН СССР не возражает против назначения доктора медицинских наук Архиповой О.Г. и доктора биологических наук Павловской Н.А. научными консультантами по работе кандидата медицинских наук Сокова Л.А. “Общие закономерности количественных соотношений переноса, фиксации и элиминации элементов в системах организма”. Ордена трудового красного знамени научно-исследовательский Институт гигиены труда и профзаболеваний Академии Медицинских Наук СССР. Москва 105275, Мейеровский пр., 31, №7/28-58. 24 мая 1974 г. Директор института Н.Ф. Измеров». Однако д.м.н. О.Г. Архипова предложила написать докторскую диссертацию «по протоколу, по общепринятой форме». Хотя существовала практика защиты диссертации по совокупности работ, или по описанию сути найденного, если в основе лежало научное открытие. В 1975 году оформил результаты исследований с проведенными на ВЦ расчетами в виде 2-х томов, объемом 900 страниц и отослал в Москву. Ждал несколько лет ответа от консультантов, с 1975 по 1978 год. Ответ пришел позже, только от Н.А. Павловской. В это время я уже «потерял» работу в ДОРСЭС и вновь работал на скорой помощи, купил, наконец, кооперативную полуторку, нашел подругу. В 1978 году решился на отчаянный шаг: пришел в военкомат и заявил «я отказываюсь от воинской обязанности, так как меня здесь никто не защищает и я никому не нужен».

Полгода меня не тревожили, как я потом понял, не знали, как реагировать. Ежедневно перед работой начали проверять на алкоголь. Причем только меня. Хотя открыто многие на работе пили пиво, том числе и ответственные дежурные по району. На работе не поймали, а вот после работы попался на провокацию. Был уволен по статье, есть запись в трудовой книжке. Для того чтобы получить работу нужно было пройти освидетельствование в поликлинике у психиатра.

Госпитализировала однокурсница, врач психиатр Лариса Микулина. Иммигрировала в Израиль. Когда-то у нее дома с группой студентов, мы с женой встречали какой-то праздник. Месяц продержали в палате на 20 человек для буйно больных, месяц на инсулине. Выпустили с диагнозом: выздоровление, годен по профессии и предупредили, не будешь брать социалистические обязательства, изменим диагноз. Обычно ставили диагноз вялотекущая шизофрения.

В течение года-двух ходил и беспричинно улыбался. А память подседа серьезно и навсегда. Больше с 1978 года и по 1998 год к работе не притрагивался. А травля в таких ситуациях перманентна. Изгой, это навсегда.

После «оздоровления» в психиатрии появились проблемы со здоровьем. Синдромы и симптомы нарастали постепенно. Снова, как и во время учебы в институте, появилась тенденция к повышению и нарастанию АД — 120/80→140/90→160-170/100-110 и выше, нарастала тахикардия — 70-90-100-110 и чаще ударов в 1 минуту в покое. Начал худеть: 75→70→60→55→49... кг. Появились проблемы с алкоголем: за 10 лет 6-8 реакций по типу тяжелой алкогольной интоксикации. Выраженная ночная потливость, в течение 1993 по 1995 год ежедневно к вечеру подъемы температуры до 37.5-37.7°C. Гиперэргоз, тремор. В интернете есть моя фотография, сделанная корреспондентом Челябинского рабочего в 2000 году на фоне таблицы Д.И. Менделеева — «кожа да кости». Прошел полный курс медицинского обследования. Никакой онкологии. Повышены гормоны щитовидной железы. Синдром эмоционального выгорания — СЭВ /хронический стресс 2-3 стадия, гиперэргоз, с учетом потери веса, с возможным переходом в гипоэргоз и последующим танатогенезом/.

В 1985 году профессор Ю.И. Москалев головного института, выпустил монографию, в которой в табличной форме привел периодические показатели всасывания химических элементов из желудочно-кишечного тракта отечественных ученых. Данные получены учеными разных стран, в разное время аналогичны и полностью подтверждали мою правоту — научное открытие от 1970 года [Health. Phys., 3, 1959; Москалев, Ю.И., 1985].

Прошло 15 лет. Стало ясно, открытие мной все-таки сделано. Нужно было только зарегистрировать научное открытие. Научные открытия в СССР регистрировались и вознаграждались. «Комментарий к ГК РСФСР, 2-е издание. Раздел V ПРАВО НА ОТКРЫТИЕ, Статьи 517-519, с. 756-758. В статье 517, в п. 3 ... «Автору открытия выплачивается вознаграждение, предоставляются льготы. Авторы выдающихся открытий могут быть удостоены Ленинской и государственных премий...»» [Комментарий к ГК РСФСР, 1979]. Никто из сотрудников ФИБ №4 не известил меня о появлении работы профессора Ю.И. Москалева. О научном «конфликте» были прекрасно осведомлены сотрудники ЧГМУ, университетов, институтов и НИИ города Челябинска и не только. Почему? Вознаграждение и льготы уже получены моими оппонентами. Квартира, машина, должность, а И.К. Дибабесу — «выдана Госпремия»! И как это все вернуть назад? И ведь не извинились и никого не наказали.

В 1995 году умерли родители, моя единственная поддержка. Очень странно умер отец в х.о. ЧТЗ. Его слепого экстренно /зачем? → несколько недель его периодически тошнило/ госпитализировали 4 августа в обычную палату по настоянию сестры, а 5 августа в 7.30 после похода в туалет, пришел, лег на койку, через 15-20 минут начался обход, а он уже умер. До суточная летальность. Найти туалет в отделении на 50-100 коек слепому, это картина из фильма ужасов. Через три месяца после скандала с сестрой из-за квартиры, часть квартиры, по мнению и настоянию мамы, по закону должна принадлежать мне, мама умерла. Через 2 года в

этой квартире нашли без сознания сестру. Умерла с мамой день в день. На фоне относительного благополучия, без каких-то серьезных проблем со здоровьем.

А в сентябре 1998 года меня очередной раз за 1,5 месяца до пенсии, выдавили с работы. Пенсии в то время выдавали с полугодовой задержкой. Снова, как и в ВОВ в семье голод. Выручал двоюродный брат, инвалид II группы, сапожник, Валерий Тимофеевич Голубев, помогал деньгами. Пробную экспертную статью по всасыванию химических элементов напечатала его дочь, моя двоюродная сестра — Марина Голубева. Первую пенсию получил в феврале 1999 года. Кроме этого, первое время, на бирже труда как безработному выдавали пособие.

От нечего делать занялся своим архивом. Нашел доклад по черепно-мозговым травмам, и 5 экземпляров старой докторской диссертации из 900 страниц от 1975 года. Шел 1998 год. Обратился с предложением реализации научной работы к ректору ЧГМА профессору Ю.С. Шамурову, проректорам, проф. О.Ф. Калеву, В.В. Турыгину. К своим одноклассникам профессорам, д.м.н. Г.А. Шорину, Я.И. Жакову. Г.А. Шорин, профессор, д.м.н., единственный человек с 1972 года от меня не отвернулся и вызывал у меня доверие. В 1973 году 1 января встретился с ним случайно утром, на улице. Весь день мы вдвоем отмечали новый 1973 год, просидели у него дома до вечера, помню чудесную крошку его мамы. Он в 1998 году посоветовал повторно обратиться к однокласснику, профессору УРАЛГУФК А.Д. Табарчуку. В 1997 году я уже обращался к нему за помощью. Просил через сына, самого дома не было, объяснил, кто я, зачем пришел и просил передать отцу, найти меня. Я ждал. Что-то не получилось.

В конце концов, с рекомендацией проф. А.Д. Табарчука в марте 1999 года устроился преподавателем в УГАФК на кафедру спортивной медицины. Консультантом докторской диссертации согласился быть директор ЮУНЦ РАМН академик РАМН д.м.н., профессор, зав. кафедрой физиологии ЧГМА Ю.М. Захаров. Мне кажется, большую роль сыграл и профессор д.м.н. Я.И. Жаков. Где-то в это время по инициативе академика РАМН Ю.М. Захарова состоялась встреча с экс директором ФИБ №4 профессором В.Л. Шведовым и директором ФГБУН «УНПЦР ФМБА РФ» (то есть, ФИБ-4) профессором, д.м.н. А.В. Аклеевым. Не мог спокойно смотреть и разговаривать с этими людьми. Для меня — это враги. Они прекрасно знали профессора Ю.И. Москалева и не могли не быть в курсе выхода его книги в 1985 году «Минеральный обмен». Это было событие в науке не только для ИБ МЗ СССР и его филиалов. После выхода монографии Ю.И. Москалева мои родители могли узнать, что их сын прав. А это могло качественно изменить их и мою жизнь.

Старую работу пришлось обновить с учетом литературы за период 1975 по 2000 год. И снова кто-то вмешался, защиту вновь притормозили. Кто? Защитился не сразу, а на следующий год, после известия о регистрации научного открытия. МО РФ. Решение ВАК от 07.12.2001 г. № 51д/2. Диплом доктора наук ДК № 009997. В РАЕН МААНО, на основании результатов научной экспертизы заявки на открытие № А-228 от 29 октября 2000 года, подтвердили установление научного открытия. Диплом №191, 03.03.2002 года. Москва. Регистрационный № 228.

Проректор по научной работе УРАЛГУФК отказался от именного Свидетельства на научное открытие, РАЕН МААНО, выданного непосредственно учреждению — УРАЛГУФК, от которого зарегистрировано открытие. Как в поговорке: «сила есть, ума не надо». А ведь часть спортивной элиты страны заседает в Думе РФ, у многих из которых поверхностное высшее образование. Если есть.

И пошла карьера: старший преподаватель (старший научный сотрудник в ЮУНЦ РАМН), доцент (аттестат доцента дц № 024828, от 15 октября 2003 г. № 697-д), затем профессор, прошедший по конкурсу на 5 лет, затем еще раз....

В Томске в 2000 году в медицинском университете в приемной ректора меня поздравил высокопоставленный военный с успехом. Кто это, кто-то из СИЯП? Еще в 1970 году в 2 ГЦНИИП понял, моими идеями заинтересовались, может быть поэтому меня и «придерживали»?

В 2002 году ЮУНЦ РАМН предложили создать программу экспериментально-биологического обеспечения для работы на ПЭТ центре, который, в то время планировали

построить в городе Снежинске. Директор ЮУНЦ РАМН академик, профессор, д.м.н. Ю.М. Захаров поручил проделать эту работу мне. По этому поводу между мной и администрацией РФЯЦ-ВНИИТФ (входит в состав ВНИИЭФ) г. Снежинска был подписан контракт. Было подготовлено два проекта. Второй инициативный проект выполнен бесплатно и впервые в России был посвящен астробиологическим исследованиям. Проекты были доложены в кабинете директора РФЯЦ-ВНИИТФ Г.Н. Рыкованова, научного консультанта, академика РАН Е.Н. Аврорина, ответственного за проект ПЭТ в Снежинске Г.В. Мокичева и ведущих физиков этого института. Позже в 2010 году астробиологический проект был предложен NASA USA, который до сих пор находится у них на pending. Реакции на мой доклад не было. Ни вопросов, ни обсуждений. Была предложена работа кем-то из сотрудников этого совещания. Из этого предложения я не понял, что же от меня хотят и хотят-ли. И вообще нужен ли я им. В конце концов, мне и контракт оплатили не сразу.

И еще раз, последний в этой жизни выдавили с работы. Почему, зачем?

Прошли десятилетия, заканчивается жизнь. До сих пор не понимаю, если ИБ МЗ СССР не нужны мои результаты работы, научные открытия, почему я не имел права заниматься теоретической работой — с позиции Периодического закона, даже в свое свободное время? Одной из задач ИБ МЗ СССР в те годы являлось изучение метаболизма радиоизотопов в животном организме. Многочисленные симпозиумы, конференции и как следствие сборники научных статей, тезисы докладов посвящены именно метаболизму, биологическому действию и ускорению выведения радиоизотопов. Естественно, платформой для этого должна быть периодическая таблица Д.И. Менделеева. Это одно из немногих отечественных научных достижений, входящее в первую тройку открытий цивилизации за последние несколько сот лет. Может быть, даже основное научное достижение на планете.

50 лет назад лишен гражданских свобод и прав. 50 лет одиночества и травли. Изгой — маргинал. За что? За научное открытие! Потери материальные, моральные, физические: странная скоропостижная (и насильственная) гибель многих близких родственников, многолетнее унижение родителей, слепота отца. Экс-жена десятки лет находится в вегетативном состоянии, инвалид I группы.... Трижды лишали жилья. Многократно грабили в пользу этнической элиты. Многолетние оскорбления, унижения. Лишение возможности сыновьям в получении высшего образования. Раскулачивание. Несколько раз мог сам погибнуть при странных обстоятельствах. И все это происходило на глазах и под руководством облеченных властью людей, в том числе и федерального уровня.

После войны, школьником прочел роман В.А. Каверина «Два капитана» [https://ru.wikipedia.org/wiki/Два_капитана]. Суть романа заключена в одной строке: «Бороться и искать, найти и не сдаваться» /это заключительная строка из стихотворения Альфреда Лорда Теннисона «Улисс»/, которая определила мое отношение к жизни.

Для **большинства** населения планеты, идеальным и относительно доступным является «животная» траектория жизни: рождение — дозированное образование, семья, труд в рамках дозволенного социального статуса — воспроизводство себе подобных — смерть. Перейти снизу, подняться в обществе вверх в социальном статусе практически невозможно. А существующие социальные лифты неэффективны, маломощны и большинству недоступны.

А если вы заходите самореализоваться? Самореализация — это результат. Самоактуализация — это бесконечный /многократный, многолетний/ процесс самореализации. Вы бесконечное количество раз, из года в год, доказываете окружению и себе, вы можете, соответствуете. В искусстве, науке, спорте, бизнесе, да, собственно, в любом деле.... Абрахам Маслоу, автор теории иерархии потребностей, утверждал, что «стадии самоактуализации», из тех кто себя уже реализовал, достигает не более 1-2 % людей. Базовые потребности личности — физиологические потребности, безопасность, социальные: уважение, достижение успеха, служебный рост.... Так живет большинство у нас в стране, и население большинства стран на планете.

Если вы выберете карьеру, без учета своих материальных возможностей, социального статуса своей семьи, этнической принадлежности и поддержки со стороны общины, скорее всего, вас ждут многолетние неудачи-неприятности, затяжные периоды депрессии, возможно алкоголизм, наркомания.

И все же если вас тоже «бог не обидел» разнообразными способностями, есть цель в жизни? А если у вас есть мечта, планы на жизнь? Вы генетически творческая личность? И вы придерживаетесь девиза ««Бороться и искать, найти и не сдаваться»»? Вас не устраивает «животная» траектория жизни. Жизнь в борьбе, это может быть для вас. Вы так устроены. Попробуйте. Хотя при такой организации жизни у вас могут быть многолетние неудачи-неприятности. Таких много среди представителей элиты, власти, бизнеса и шоу-бизнеса, в искусстве, профессиональном спорте.... А ведь в науке, как и любом творчестве тоже самое. Может быть, вам больше повезет, чем мне. Хотя, если вы по жизни боец, при любом исходе самореализации и самоактуализации вы не проиграете. И вам, скорее всего, будет интересно. Жизнь ваша будет наполнена разнообразными событиями и свершениями. Это два разных взгляда на жизнь: жизнь ведомых и жизнь ведущих. Как видно из моей статьи «Мой путь в науку» самореализация частично состоялась, а вот самоактуализация у меня в рамках теории «социального и этнического отбора», не получилась. И, тем не менее, моя жизнь была не только ужасна, но и интересна.

Для того, чтобы оценить новое, необычное в науке, выходящее за рамки общепринятого мировоззрения /парадигмы/ нужны авторитетные ученые, способные видеть неочевидное, обладать даром предвидения, интуицией, типа В.И. Вернадского. А их в мое время не было, да и сейчас нет. В свое время он высоко оценил найденную закономерность по живому веществу от 1935 года А.П. Виноградова. По академику С.П. Новикову есть три типа академиков: доктора, кандидаты наук и завхозы [<https://www.pravda.ru/science/academy/15-05-2018/1383896-sagdeev-0/>]. Мне кажется — сейчас больше завхозов /эффективных менеджеров/.

Литература.

1. Ботов Н.Г., Соков Л.А., Некрасов Б.Н. К вопросу о связи накопления радиоизотопов гидробионтами с положением элементов в периодической системе /РЖ «Биология» 1977, №3, реф.ЗУ 177. — С. 1-6 (№3934-76 ДЕП. от 11 ноября 1976)
2. Виноградов, А.П. Химический элементарный состав организмов и периодическая система Д.И.Менделеева / А.П. Виноградов // Природа. — 1933. - № 8/9. — С. 28-36.
3. Голованов, Я. Этюды об ученых. — Изд-во «Молодая гвардия», 1970. — 288 с.
4. Дубровина, З.В., Соков, Л.А. О количественной связи некоторых параметров обмена радиоизотопов в организме с рядом их физико-химических свойств // Материалы симпозиума «Кинетика обмена, биологическое действие радиоактивных изотопов и внешних источников излучения», Москва 8 – 10 декабря, 1969, с. (308/5).
5. Дубровина, З.В. Зависимость поведения радиоактивных изотопов в организме от их физико-химических характеристик / З.В. Дубровина, Л.А. Соков // Мед. радиология. — 1970. — Т. XV. - № 10. — С. 41-47.
6. Зарецкий, И.И. Клиническая физиология и методы функциональной диагностики почек : монография / И.И. Зарецкий. — М. : Медгиз, 1963. — 280 с.
7. Комментарий к ГК РСФСР, 1970.
8. Кист, А.А. Биологическая роль химических элементов и периодический закон : монография / А.А. Кист. — Ташкент : ФАН Узбекской ССР, 1973. — 65 с.
9. Кист, А.А. Феноменология биогеохимии и бионеорганической химии : монография / А.А. Кист. — Ташкент : ФАН Узбекской ССР, 1987. — 236 с.
10. Москалев Юрий Иванович [kmay.ru>sample_pers.phtml?n=7684](http://kmay.ru/sample_pers.phtml?n=7684);
11. Москалев, Ю.И. Минеральный обмен / Ю. И. Москалев. - М. : Медицина, 1985. - 288 с.
12. Радиологическая защита, 1961, 260 с.
13. Соков А.В. «Записки начальника пионерского лагеря» Челябинское книжное издательство, 1954. — 80 с. (3000 экз.)
14. Соков, Л.А. Происхождение жизни. Мультиматрица (from stardust to men) : монография. — Изд. 2-е / Л.А. Соков. — Челябинск : Изд-во Челябинской государственной медицинской академии, 2012. — 412 с. (С. 29)
15. «Щукарев, Сергей Александрович» — Википедия ru.wikipedia.orgЩукарев
16. Bibliography for biological, mathematical and physical data// Health. Phys. — 1959. — №3. — 360 p.
17. Botov, N.G., Kozulin, S.P., Mironova, N.I., Dubov, R.I. High Level Radioactive waste management // Proceedings of the Fourth Annual International Conference. — Las Vegas, Nevada, April 26-30, 1993. — P. 1984-1996.
18. Health. Phys., 1959, №3.